

А. И. Доватур

СТРУКТУРА ПОЛИТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

В. ИЕГЕР в своем дважды издававшемся труде об Аристотеле¹ ставит вопрос об эволюции научного мышления Аристотеля, исходя из предпосылки, что Аристотель, первоначально верный ученик Платона, затем отошел от учений Академии и это изменение его философских позиций сказалось на многих его произведениях, в которых Иегер выделяет более ранние слои, носящие на себе печать теорий Платона, и более поздние, отражающие выход Аристотеля на самостоятельный путь.

В частности, и Политику Иегер в соответствии со своими общими принципами расчленяет на части, возникшие, по его мнению, в разное время, — одни более ранние, близкие по духу к априорным политическим построениям Платона, другие более поздние, написанные в пору разочарования Аристотеля в политической спекуляции и перехода его к изучению действительности. Родство с построениями Платона Иегер усматривает в значительных частях книг II и III и полностью в книгах VII—VIII Политики. Им он противопоставляет книги IV, V, VI, где Аристотель опирается на реальные факты истории или современности. Книги «абстрактные», «нормативные» представляют собой раннюю стадию работы Аристотеля, а книги «фактические» — более позднюю. (Книга I добавлена им позднее как общее введение; в книгах II и III сделаны более поздние добавления).

Иегер придает значение еще одному соображению: в «ранних» книгах Политики отражается, по его мнению, политическая атмосфера Троады, т. е. той области, где у атарнейского тирана Гермия Аристотель провел 348/7—345/4 гг. Не вдаваясь в разбор мнений Иегера о Троаде, отметим, что в тех же книгах Политики другие ученые находят атмосферу Афин времени управления афинскими финансами Ликургом, т. е. 335—326 гг., а третьи — одновременно и то и другое². Эти поиски общей политической обстановки, в которой Аристотель мог создавать свои книги, имеющие нормативный характер, не привели к какому-нибудь убедительному результату. Неудивительно поэтому, что и сторонники и противники теории Иегера придают наибольшее значение его исходному положению — о первоначальной близости Аристотеля к платонизму и о последующем его освобождении от влияния учителя. Противники Иегера отвергают самую

¹ W. Jaeger, *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*, В., 1923 и 1955.

² Об этом см. А. Доватур, *Политика и Политики Аристотеля*, М.—Л., 1965, стр. 351.

основу его теории. По их мнению, нельзя представлять себе слишком упрощенно эволюцию философской мысли Аристотеля — от подчинения Платону к резкому разрыву с ним. Аристотель на протяжении всей своей деятельности был близок к теориям Академии: даже его критика учения об идеях не означает разрыва с платонизмом — «отбрасывая платоновские идеи, Аристотель не порывает с духом платонизма; он хочет скорее освободить его от его образного отражения, избавить от ненужной метафоры»³.

Нам предстоит разобрать — в применении к Политике — вопрос, действительно ли есть основание говорить о двух различных слоях в Политике, коренным образом отличающихся один от другого по отражающемуся в них научному мировоззрению (и в связи с этим по писательской манере). Уже предварительно можно выдвинуть одно требование — учитывать не только прямые ссылки на историю и современность, но и тот подразумеваемый фактический материал, без которого немислимы многочисленные, казалось бы чисто теоретические, положения Аристотеля. Не забудем и тот большой интерес к научным фактам, в частности к фактам исторического порядка, какой обнаруживается у Аристотеля уже в ранних его произведениях и не ослабевает в течение всей его жизни⁴.

Не составляет большого труда разобраться с интересующей нас точки зрения в I книге Политики. Аристотель занимается здесь вопросом о сущности полиса. Путем расчленения понятия полиса он доходит до тех первичных элементов, которые, вытекая, по его мнению, из потребностей самой человеческой природы, являются зародышами человеческих объединений и в конечном счете — полиса. Рассуждение идет в самом общем плане. Анализ понятия делается в обычной для Аристотеля манере расчленения сложного понятия на его простые составные части. Процесс возникновения полиса в отдаленном прошлом не был доступен непосредственному наблюдению. Полисы, создававшиеся в историческое время и даже на глазах Аристотеля, не помогали разобраться в ранних стадиях существования полисов вообще. Для каких-либо исторических примеров места в I книге Политики не было. Таких примеров в этой книге и нет, если не считать изредка встречающихся ссылок на древнейших поэтов. Сюда можно отнести ссылки на Гомера (1252 b, 22; 1253 a, 5; 1259 b, 13), а также, хотя и с некоторой натяжкой, ссылку на Гесиода (1252 b, 10). Вполне понятно, что даже сторонники генетической теории не склонны относить I книгу Политики к первоначальному составу этого произведения⁵, несмотря на отсутствие в ней фактической базы, характерной для научного творчества Аристотеля поры его зрелости.

Совсем иным характером отличается II книга Политики. Имея в виду свою конечную цель — построение идеального государственного строя, — автор желает убедиться в том, что поставленная им задача никем не была решена до него. Ведь если бы оказалось, что решение уже найдено, то новые поиски были бы не чем иным, как занятием людей, стремящихся во что бы то ни стало показать свое остроумие — *παῖγες ... σοφίζεσθαι βουλομένων* (1260 b, 34). Рассматриваются два рода конституций: 1) предложенные в виде проектов наилучшего строя разными мыслителями — Платоном в «Государстве» и «Законах», Фалеем Халкедонским, Гипподамом Милетским, 2) реально существующие и имеющие хорошую репу-

³ J. M o r e a u, *Aristote et son école*, P., 1962, стр. 26, ср. стр. 108 (о связи аристотельского учения с платонизмом); I. D ü r i n g, *Aristotle and the Heritage from Plato*, «Eranos», 62 (1964), стр. 84 слл.

⁴ См. R. W e i l, *Aristote et l'histoire. Essai sur la Politique*. Thèse, P., 1960.

⁵ См. J. A u b o n n e t, *Introduction* к изд. *Aristote, Politique*. Livres I et II, P., 1960, стр. CXI.

тацию — подробно лакедемонская, критская, карфагенская и суммарно некоторые другие. Ни одна из них не удовлетворяет Аристотеля в полной мере. Нас, однако, интересует здесь не эта сторона дела. Чтобы критически разобрать проекты Платона, Фалея и Гипподама, требовалось знакомство с их сочинениями; чтобы дать критический очерк государственных устройств Лакедемона, критских полисов и Карфагена, нужно было хорошее знакомство с реальными порядками этих государств. Дело не в том, что Аристотель оценивает эти существующие не в книге, а в действительности конституции с некоей «нормативной точки зрения» (элемент оценки, как мы увидим, всегда присутствует у Аристотеля), а в том, что он здесь не занимается построениями и не анализирует чужие теоретические построения, а критикует действительность, предварительно изучив ее. Важно и то, что рассмотрение чужих проектов сопровождается ссылками на порядки, наблюдавшиеся в разных государствах, или на случившиеся в них события. При этом упоминаются объединение аркадян (имеется в виду Мегалополь — 1261 а, 28 сл.), Лакедемон (1263 а, 35 сл.; 1263 б, 40 сл.; 1264 а, 9 сл.; 1265 б, 31 сл.), Крит (1263 б, 40 сл.; 1264 а, 20 сл.), Локры (1266 б, 19 сл.), Атарпей (1267 а, 31 сл.), Эпидамн (1267 б, 16 сл.), Афины (там же), Кима (1268 б, 41 сл.). Аристотель имеет под рукой конкретный материал не только по Спарте, Криту и Карфагену и черпает из него нужные ему сведения. Работая над изучением фактической стороны спартанской, критской и карфагенской политической жизни, Аристотель не терял из виду теоретических построений своих предшественников. О Платоне он вспоминает дважды. Отмечая одностороннюю направленность спартанских установлений, которые способствуют развитию одной только военной доблести, Аристотель не забывает упомянуть о том, что до него Платон делал тот же упрек спартанскому законодателю (1271 а, 41 сл.). Во втором месте, правда атетируемом некоторыми издателями, он перечисляет своеобразные черты законов в проектах Фалея и Платона (1274 б, 9 сл.) наряду с особенностями законов, установленных государственными деятелями. Чтение II книги Политики убеждает нас в тесном переплетении у Аристотеля «теоретического» и «реального» интереса к конституциям.

Книга III, считающаяся одной из ранних или сравнительно ранних, никак не может быть названа спекулятивной или даже в собственном смысле нормативной. Поставленные в ней вопросы — что такое полис, что такое гражданин — решаются на основании наблюдения над политической жизнью. Количество ссылок на историю и современные политические порядки достаточно велико. Здесь мы встречаем следующие примеры: о судьях в Лакедемонии и Карфагене (1275 б, 9 сл.), о порядке получения гражданских прав в Ларисе (1275 б, 26 сл.), об увеличении количества граждан в Афинах в результате реформ Клисфена (1275 б, 35 сл.), об изречении ферского тирана Ясона (1277 а, 24 сл.), о существовавшем в Фивах запрещении выбирать на должности лиц, которые в течение десяти лет не воздерживались от рыночной торговли (1278 б, 25 сл.), об одном из установлений Солона (1281 б, 32 сл.), о совете Перияндра Коринфского Фрасибулу Милетскому (1284 а, 24 сл.), о подозрительном отношении афижан к самосцам, хиосцам и лесбосцам, а персидских царей — к мидянам и вавилонянам (1284 а, 39 сл.), о полномочиях спартанских и гомеровских царей (1285 а, 3 сл.), об обстоятельствах избрания Питтака в Митилене (1285 а, 35 сл.), о характере царской власти в Лакедемонии (1285 б, 26 сл.), о назначении охраны Дионисию Сиракузскому (1286 б, 39 сл.), о главном должностном лице с широчайшими административными полномочиями в Эпидамне и Опунте (1287 а, 4 сл.).

Но и независимо от этих конкретных примеров можно с уверенность

утверждать, что в основе положений, развиваемых Аристотелем в III книге Политики, лежит большая осведомленность его в вопросах современного ему и более древнего государственного права греческих полисов. Эта осведомленность дает о себе знать в рассуждениях о понятии гражданина применительно к государствам разного типа (1275 а, 2 слл.; 1275 б, 22 слл.), в рассмотрении положения ремесленников в древние времена, а отчасти и во время Аристотеля (1278 а, 6 слл.), в классификации форм правления (1279 а, 22 слл.) — обо всех этих формах Аристотель упоминает далее в виде конкретных примеров в книге V, имеющей, по общему признанию, реалистический характер, что гарантирует возникновение этой классификации на основании наблюдений, а не из абстрактных предпосылок, — в объяснении значения остракизма и других подобных мер (1284 а, 33 слл.), в обзоре разновидностей царской власти (1285 б, 20 слл.).

Вместе с тем в этой вполне реалистической III книге Политики читатель ясно ощущает и нормативный момент. Аристотель рассматривает вопросы не только о том, что такое гражданин в реальном государстве, но и о гражданской доблести и об ее отношении к доблести общечеловеческой (1276 б, 16 слл.), т. е. о том свойстве, выработке которого в гражданах содействует, по учению Аристотеля, изложенному в VII и VIII книгах Политики, идеальный государственный строй. Аристотель далее не просто дает характеристику разным видам государственного устройства, но и распределяет их по рубрикам «правильные» и «неправильные», т. е. оценивает их с точки зрения пользы, приносимой ими государству в целом — *τὸ κοινὸν συμφέρον* (1279 а, 22 слл.). В связи с этим Аристотель задается вопросом о том, кому следует стоять во главе полиса — народной ли массе, богачам, «порядочным людям», «единому лучшему из всех» или тирану (1281 а, 11 слл.). В своих рассуждениях Аристотель ссылается на справедливость, говорит о доблести; местами Аристотель прямо говорит о «наилучшем государстве» — *βελτίστη πόλις* (1287 а, 18), «наилучшем государственном устройстве» — *ᾠρίστη πολιτεία* (1284 б, 25; 1286 а, 15), тем самым становясь на тот путь, который в дальнейшем приведет его к построению проекта идеального, «наилучшего» государственного строя. Как видим, нормативная точка зрения вполне уживается в III книге Политики с реалистическим подходом к действительности, требующим изучения истории и современности. То и другое настолько тесно соединено между собой, что образует единство, не поддающееся рассечению без насилия над текстом Аристотеля.

Книга IV может считаться в известном смысле центральной в Политике Аристотеля. Здесь перечисляются задачи политической науки. Задачи эти сводятся к построению четырех видов государственных устройств: во-первых, наилучшего в абсолютном смысле; во-вторых, наилучшего из осуществимых при наличных обстоятельствах; в-третьих, наилучшего в пределах каждой из существующих государственных форм; в-четвертых, наилучшего, подходящего для любого полиса⁶.

В этой книге, знаменующей собой, по мнению сторонников теории Иегера, разочарование автора в спекулятивной политической философии, все четыре задачи носят явный отпечаток нормативной точки зрения. Первая — так, как она поставлена Аристотелем, — отнюдь не может быть названа эмпирической. Все остальные предполагают изучение реальной действительности, но только в качестве первой стадии. Затем следует установление наилучшей из возможных при тех или иных данных условиях государственной формы, т. е. в сущности уже теоретическое построение. Если выдвинутая дальше тема о разновидностях государственного строя

⁶ Подробнее об этом см. Д о в а т у р, ук. соч., стр. 39 слл.

является безусловно «эмпирической», то следующая за ней — о наилучших законах и законах, подходящих для того или иного государственного строя, — опять предполагает в качестве основания нормативную точку зрения.

Итак, в самой постановке подлежащих рассмотрению вопросов обе точки зрения — «эмпирическая» и «нормативная» — неразрывным образом связаны между собой. Конечная цель Аристотеля — построение идеального строя, но к этому конечному звену цепи ведут другие звенья, представляющие собой сплав двух элементов — эмпирического и нормативного.

Классификация форм правления с сопутствующими ей рассуждениями, занимающая значительную часть IV книги (1289 а, 26 слл.), делается на основе широкого знакомства с политической действительностью. Всякие сомнения в этом отпадут, если мы вспомним, что все охарактеризованные здесь формы фигурируют в исторических примерах, которыми в изобилии снабжена книга V. В то же время одним из принципов выделения форм правления является у Аристотеля их оценка — они делятся на «правильные» (*ὀρθαί*) и «отклонения от них» (*τοῦτων παρεκβάσεις*) с соответствующей градацией в пределах тех и других. То же следует сказать и о второй ступени деления — подразделении демократии, олигархии и других форм на подвиды (1289 а, 30 слл.); и здесь положительное знание сочетается с оценкой, что остается характерной особенностью политического мышления Аристотеля до конца его жизни (см. Афинскую Политику).

Любопытно при этом, что в части книги, посвященной классификации форм правления, реально существовавших в греческих полисах, исторические примеры даны в сравнительно незначительном (для рассуждения такого характера) числе случаев. В древние времена в государствах, мощь которых заключалась в коннице, был олигархический строй — как, например, у эретрийцев, халкидян, магнетов на Меандре и многих других в Малой Азии (1289 б, 38 слл.). Демос не является единообразным — есть демос земледельческий, ремесленный, рыночный, морской; последний в свою очередь делится на военный, торговый, занимающийся перевозками (*πορφύρεταικόν*), рыбачий; многочисленные рыбаки — в Таренте и в Византии, гребцы на триерах — в Афинах, работающие в гавани (*ἐμπορικόν*) — на Эгине и на Хиосе, перевозчики — на Тепедосе (1291 б, 18 слл.). Государственный строй карфагенян, основанный на трех принципах — богатстве, доблести, народе, — может считаться аристократическим, как и строй лакедемонян, исходящий из двух принципов — доблести и народа (1293 б, 14 слл.). О характере лакедемонской конституции судят по-разному (1294 б, 18 слл.). Некоторые варвары выбирают неограниченных монархов, и у древних эллинов существовал особый вид выборных единоличных правителей — эсимнеты (1295 а, 11 слл.).

Не больше конкретных примеров дается в разделах о среднем государственном строе, являющемся наилучшим для большинства полисов и большинства людей (1295 а, 25 слл.), о строе, подходящем для того или иного вида полиса (1296 б, 13 слл.), о мероприятиях, проводимых государственными деятелями для успокоения народа (1297 а, 14 слл.), а также в обширном разделе, где рассматриваются три элемента (*τρία μέρη*) государственного порядка, от хорошего устройства которых зависит и хорошее состояние государственного строя вообще, — совещательные органы, магистратура, судебные органы (1297 б, 35 слл.). Вот приведенные в этих разделах примеры. Наилучшие законодатели — Солон, Ликург, Харонд и другие — принадлежали к средним слоям населения (1296 а, 18 слл.). Гегемоны Эллады всегда вели себя эгоистично, думая только о своей выгоде и не заботясь о пользе подчиненных им полисов (1296 а, 32 слл.). По зако-

нам Харонда, за уклонение от участия в судебных органах состоятельные люди подвергались большому штрафу, а бедные — небольшому (1297 а, 21 слл.). У малийцев принадлежность к гражданству определялась выполнением военной обязанности, а право занимать государственные должности — участием в походах; нечто подобное было и у других эллинов (1297 б, 12 слл.). По конституции Телекла Милетского совещательная власть была отдана в руки всего народа, но осуществлялась не всеми вместе, а по очереди (1298 а, 11 слл.). В Мегарах (в определенный момент их истории) на должности избирались только те, кто возвратился из изгнания и боролся против демократии (1300 а, 16 слл.). Афинский суд во Фреатто представляет собой редкую разновидность суда — он разбирает дела возвращающихся на родину изгнанников, когда последние подвергаются обвинению в убийстве (1300 б, 27 слл.). Несмотря на скудость приведенного конкретного материала, нельзя представить себе, чтобы Аристотель работал во всех названных разделах, не имея большой фактической базы. С внешней стороны изложение Аристотеля выглядит так, как будто оно представляет собой результат априорного построения, и это впечатление усиливается благодаря встречающимся в некоторых местах выражениям типа «полезно» *συμφέρει* (1296 б, 13; 1298 б, 13, 21 сл.), «следует» (1297 б, 37 сл.). В действительности же перед нами плод углубленного изучения реальной жизни.

Книга V по справедливости признается «фактической». В самом деле, тема ее — государственные перевороты, их типы, причины, а также меры, способствующие их предотвращению, — предполагает изучение фактической истории далекого и близкого прошлого. Ни одна книга Политики не снабжена в таком количестве фактическим материалом, иллюстрирующим теоретические положения, как книга V. Мало того, в некоторых местах автор прямо заявляет о том, что приведенные им примеры не исчерпывают его запаса сведений. Выдвинув положение о том, что необузданность демагогов ведет демократию к гибели, предупредив читателя о многочисленности подтверждающих это положение примеров, сославшись затем только на пять примеров (Кос, Родос, Гераклея, Мегары, Кима), Аристотель заканчивает утверждением, что всякий может убедиться в справедливости сказанного на других примерах (1305 а, 2 сл.). После перечисления ряда случаев покушений на жизнь единоличных правителей со стороны оскорбленных ими и охваченных гневом людей Аристотель добавляет: «и многие другие по таким же причинам либо были убиты, либо вызвали против себя злоумышление» (1311 б, 34 слл.). В подтверждение своей мысли, что гнев скорее побуждает к действию, чем ненависть, автор Политики указывает только на один пример — падение тирании Писистратидов, замечая после этого: «(так были упразднены) и многие из прочих тираний» (1312 б, 31 сл.).

Иногда у Аристотеля примеры отсутствуют. Отсюда не следует, будто для таких мест конкретных примеров не хватало. Тираны не доверяют народной массе (*τῷ πλῑθει*), чем объясняется ряд мер, характерных для внутренней политики тиранов (и олигархов), — изъятие оружия, притеснение простого народа (*τῷ κακοῦν τὸν ὄχλον*), изгнание и выселение его из городов. Для любой из указанных Аристотелем мер даже нам (а тем более ему) нетрудно было бы подобрать примеры. Не из головы, надо думать, взято и другое утверждение — много тираний погибло из-за наглого поведения женщин, принадлежавших к семье тиранов (1314 б, 26 сл.). Законная монархия (*βασιλεία*) отличается от тирании тем, что внешние обстоятельства не оказывают на нее губительного влияния, а потому она и долговечна; зато ее губят междоусобия в правящем доме и перерождение ее в тиранию в результате стремления царей к противозаконному расширению

своей власти (1312 b, 40 слл.). История македонской и эпирской монархий, а также история спартанской царской власти, не говоря уже о монархиях мифологической поры и негреческого мира, были достаточной фактической базой для подобных обобщений в Политике.

Не может быть никакого сомнения в том, что рассуждения автора в V книге Политики выросли из наблюдений над фактами. Тем не менее и в этой книге изучение фактов сочетается с поисками наилучшего государственного строя, наилучших его деталей, наилучшего образа действий. Вопрос о том, «как происходят события» (государственные перевороты) и как они предотвращаются, неотделим для Аристотеля от вопроса о том, как следует поступать (*δεῖ*), что при тех или иных обстоятельствах оказывается справедливым (*δίκαιον*) или полезным (*συνφέρων*). В начале своего рассуждения, в главах, посвященных рассмотрению государственных переворотов, Аристотель ставит вопрос о справедливости применительно к демократическому и олигархическому образам правления и приходит к заключению, что та и другая формы правления частично обоснованы, но в целом ошибочны (1301 a, 25 слл.). Из того, что люди в некоторых отношениях равны, демос делает вывод, что они вообще равны; в свою очередь, олигархи отвергают равенство вообще на том основании, что люди в некоторых отношениях не равны между собой (1301 b, 35 слл.). В Аргосе и Афинах прибегали к остракизму для изгнания лиц, в которых видели угрозу захвата власти и установления единовластия; однако лучше (*βέλτιον*) предотвращать самую возможность появления такой угрозы, нежели, позволив ей возникнуть, применять затем лечение (1302 b, 18 слл.). Раздоры в государстве происходят по незначительным поводам, но имеют в своей основе важные причины; незначительные поводы приобретают особое значение, когда они возникают в среде господствующих, как это было однажды в Сиракузах, где началом раздоров, приведших к изменению государственного строя, послужило соперничество на любовной почве между двумя знатными молодыми людьми. Поэтому, советует Аристотель, следует остерегаться таких столкновений и стараться примирять враждующих между собой предводителей и могущественных лиц (1303 b, 17 слл.).

Эти, пусть немногочисленные, примеры нормативного подхода к явлениям политической жизни встречаются в той части рассуждений Аристотеля, где их можно меньше всего ожидать, так как речь идет о фактах — как именно совершаются перемены государственного строя. С гораздо большим основанием можно надеяться найти более многочисленные и более яркие отражения нормативной точки зрения в следующем разделе V книги — о средствах спасения (или сохранения — *σωτηρία*) всякого вида государственного строя вообще и каждого в отдельности. И действительно, эта часть построена иначе, чем предыдущая. Хотя и здесь автор несомненно опирается на факты истории, количество примеров сравнительно с предыдущей частью значительно меньше. Важнее, однако, другое: изложение Аристотеля теперь чаще облекается в форму практических советов. При конституциях, представляющих собой хорошее смешение различных принципов, следует не допускать ни в чем нарушения закона и особенно наблюдать за мелочами — ведь беззаконие проникает в государственную жизнь незаметно (1307 b, 30 слл.). Затем Аристотель устанавливает определенные нормы: не верить софизмам, направленным к снисканию симпатий народных масс, следить надлежащим образом за действиями должностных лиц; в демократиях не только справедливо, но и полезно соблюдение известного равенства внутри народной массы, чему способствует кратковременность полномочий магистратов. Заботящиеся о сохранении государственного строя должны принимать меры к тому, чтобы страх заставлял людей охранять существующий строй (1308 a, 27 слл.). Сопер-

ничество и раздоры в среде знати следует стараться предотвращать силой закона; этим должны заниматься и люди, еще не охваченные расприями, так как распознать зло в самом его начале способен не всякий, а только провицательный в политических делах человек (1308 а, 31 слл.). При олигархиях и полициях полезно — во избежание перехода их в другую государственную форму — следить за имущественным цензом и периодически изменять его в соответствии с изменением общего благосостояния (1308 а, 35 слл.). Вообще при любом строе не следует давать возможность кому бы то ни было чрезмерно возвыситься над другими (1308 б, 10 слл.). Необходимо учредить особую должность для надзора за теми, чья частная жизнь не соответствует характеру государственного строя: при демократиях — демократическому, при олигархиях — олигархическому (1308 б, 21 слл.). Во всяком государстве, а особенно в олигархическом, нужно заботиться о том, чтобы законы и управление исключали для должностных лиц возможность обогащаться (1308 б, 31 слл.). Демократия должна щадить состоятельных людей и не прибегать не только к разделу имущества, но и к общему пользованию доходами; лучше даже, если будут препятствия к добровольному несению дорогостоящих и не приносящих пользы литургий (1309 а, 14 слл.). В свою очередь олигархия должна проявлять заботу о неимущих, давая им приносящие выгоду должности, устанавливая большие наказания за обиду, нанесенную неимущим, чем за соответствующую обиду своим, ограничивая возможность накопления в одних руках больших богатств благодаря получению наследств (1309 а, 20 слл.). Полезно представлять равное или даже преимущественное право занимать некоторые (не главные) должности при демократии — состоятельным людям, а при олигархии — бедным (1309 а, 27 слл.). Необходимо, чтобы кандидаты на важнейшие должности отвечали трем требованиям: они должны, во-первых, любить существующий государственный строй; во-вторых, обладать наибольшими способностями для выполнения своих обязанностей; в-третьих, отличаться доблестью и справедливостью, соответствующими данному государственному строю (1309 а, 33 слл.).

Не будем продолжать этого перечня. Отметим только одно очень показательное место, где прямо противопоставляется желательная норма обычной практике — то, что обычно делается, тому, что должно бы делаться. При демократиях демагоги своими нападками на состоятельных людей способствуют образованию в государстве двух враждующих между собой групп, тогда как им следовало бы всегда выступать с речами в пользу имущих; при олигархиях же олигархи должны были бы выступать в пользу демоса и произносить клятвы не в том, что они будут враждебны демосу и будут злоумышлять против него, а в том, что они не будут чинить ему обид (1310 а, 2 слл.). Аристотель констатирует факты, но не для того, чтобы признать их или примириться с ними, а только для того, чтобы выразить свое несогласие с ними и указать государственным деятелям правильный путь.

Довольно резко изменяется характер изложения Аристотеля при переходе к вопросу о причинах порчи монархии, под которой разумеется единоличное правление, т. е. как законная монархия, так и тирания (1310 а, 39 слл.). Этот раздел снабжен, хотя и неравномерно, сравнительно большим количеством исторических примеров, служащих достаточным признаком того, что автор базировался на фактах. В качестве примеров фигурируют Фидоп Аргосский и ряд тиранов (1310 б, 26 слл.), Кодр, Кир, лакедемские, македонские и молосские цари (1310 б, 36 слл.), совет Перикла Фрасибулу (1311 а, 20 слл.), заговоры против тиранов в Афинах, Амбракии и против царей — Филиппа Македонского, Эвагора Кипрского, Архелая Македонского (1311 а, 36 слл.) — и некоторые другие.

Раздел о способах сохранения монархического правления мог бы строиться по аналогии с соответствующим разделом о демократии и олигархии, т. е. в виде советов единоличным властителям. Однако в начальной части этого отдела наблюдается иное: Аристотель сообщает о фактах без всякого намека на норму, которую следовало бы проводить в жизнь. Если в одном случае сказано ἀναγκάιον (1313 а, 21), то при этом имеется в виду не необходимость в смысле нормы, а неизбежность в смысле закономерно-сти — чем более ограничена сфера власти монарха, тем эта власть должна быть долговечнее. Везде речь идет о тех мерах, которые свойственны тирании и применяются тиранами против возможных попыток свержения их власти. Аристотель не отрицает эффективности этих мер, но нигде даже в виде слабого намека не рекомендует их. Характер внутренней политики тиранов делает вполне понятной для нас позицию Аристотеля: это — расправа с выдающимися гражданами, стремление разъединить граждан и посеять между ними недоверие, установление слежки и поощрение доносов, проведение мер, способствующих объединению граждан.

Выше Аристотель предупреждал читателя (слушателя) о двух совершенно различных способах сохранения тиранической власти, один из которых является традиционным и обычно применяемым тиранами: Αἱ δὲ τυραννίδες σφίζονται κατὰ δύο τρόπους τοὺς ἐναντιωτάτους, ὃν ἑτέρος ἐστὶν ὁ παρὰ δέδορμένον καὶ καθ'ὸν διοικοῦσιν οἱ πλείστοι τῶν τυράννων τὴν ἀρχήν (1313 а, 34 слл.). Заканчивается рассмотренная нами часть рассуждения Аристотеля словами: «Таков один способ, благодаря которому сохраняется тирания» (1314 а, 29 слл.).

Другой способ сохранения тирании предполагает проведение в жизнь таких мер, которые по существу почти что противоположны перечисленным, — ὁ δ' ἕτερος (scil. τρόπος) σκεδὼν ἐξ ἐναντίας ἔχει τοὺς εἰρημένους τὴν ἐπιμέλειαν (1314 а, 31 слл.). Способ этот сводится к изменению самой сущности тирании и приближению ее к законной царской власти. Перечисление всего того, что помогает тирану достигнуть этой цели, подается в виде рекомендации — δεῖ (1314 а, 39; 1314 b, 15, 21, 37; 1315 а, 3, 20, 27, 34, 41; ср. также ποιητέον — 1315 а, 16 сл., ἀνάγκη — 1315а, 37). Далее следуют исторические примеры, подтверждающие правильность защищаемых Аристотелем положений (1315 b, 12 слл.), и полемика с Сократом (Платоном), неправильно рассуждающим в «Государстве» о государственных переворотах (1316 а, 1 слл.).

Итак, строго фактическая, по мнению толкователей Политики, книга V содержит, наряду с фактическими, констатирующими частями, также части нормативного характера.

Книга VI трактует о том, что свойственно и что полезно каждому из отдельных видов демократии и других государственных устройств. Остановившись на соединении в строе одного государства разных элементов, свойственных двум разным видам конституций, Аристотель переходит к основному интересующему его вопросу — как следует организовать — δεῖ κατασκευάζειν (1317 а, 15) тот или иной тип государства. Начинает он с демократии. Устанавливается сущность, самый принцип демократического образа правления. Разные виды демократии рассматриваются под углом зрения их сравнительной ценности. Из четырех видов демократии наилучший, с точки зрения Аристотеля, — δημοκρατιῶν... βελτίστη (1318 b, 6), τῶν δημοκρατιῶν ἀρίστη (1319 а, 4), τὴν βελτίστην καὶ πρώτην δημοκρατίαν (1319 а, 39) — демократия земледельцев, так как наилучшим демосом является демос земледельческий — βέλτιστος γὰρ δῆμος γεωργικός (1318 b, 9). Наличие такой демократии гарантирует хороший образ правления — πολιτεύεσθαι καλῶς (1318 b, 33). На второе место Аристотель ставит пастушеский демос — μετὰ δὲ τὸ γεωργικὸν πλῆθος βέλτιστος δῆμος ἐστὶν

ἄνθρωποι νομεῖς εἰσι καὶ ζῶσιν ἀπὸ βοσκημάτων (1319 а, 19 слл.). Другие виды демократии намного хуже — πολλὰ φαυλότερα (1319 а, 25; ср. 1320 а, 34 сл. — μοχθηρὰν τὴν δημοκρατίαν). Ведь земледельцы и пастухи, в противоположность живущим в городе ремесленникам, рыночным торговцам, поденщикам, мало склонны собираться на народные собрания (1319 а, 27 слл.). Совершенно ясно, что тот или иной вид демократии получает более высокую или более низкую оценку со стороны Аристотеля в зависимости от большего или меньшего отдаления его от афинской демократии IV в. При этом Аристотель не забывает упомянуть и о той «добродетели» — ἀρετῇ, которая играет такую большую роль в его проекте идеального строя. Представители городского демоса — ремесленник, рыночный торговец, поденщики — занимаются делами, не требующими добродетели — οὐδὲν ἔργον μετ' ἀρετῆς (1319 а, 26). В этом — напоминание о той моральной точке зрения, с какой автор разрешает высшие проблемы политической жизни и которая в конечном счете приводит его к построению идеального в абсолютном смысле строя, обеспечивающего гражданам возможность упражняться в добродетели.

Самый замысел VI книги требует соответствующего характера изложения. Выясняется, что полезно для сохранения той или иной формы правления. Значит, основная задача автора — найти комплекс целесообразных, а следовательно, и достойных рекомендации мер. Как это и естественно, глагол δεῖ не раз повторяется в рассуждении Аристотеля — как в отрезке, где речь идет о демократии (1319 б, 37; 1320 а, 6, 14, 22, 33; 1320 б, 16; ср. χρῆ — 1320 а, 37; καλῶς ἔχει — 1320 б, 9), так и в дальнейшем, когда автор переходит к олигархии (δεῖ — 1320 б, 18, 19, 22, 28, 30; 1321 а, 17, 22, 32; 1321 б, 11, 13; 1322 а, 26; 1322 б, 15; ср: εἰφυῶς ἔχει — 1321 а, 9; ἀρμόττει — 1321 а, 35; 1321 б, 11; βέλτιον — 1322 а, 8, 20; ἰναρχαῖον — 1322 б, 8 сл.; καλῶς ἔχει — 1320 б, 9).

Везде преобладает тон совета. Примеров из истории или современности в этой VI книге, которая признается сторонниками генетической теории поздней, фактической, очень немного: участие избранных из народа в выборах должностных лиц в Мантинее (1318 б, 23 слл.); закон Оксила (в Элиде), запрещающий давать займы под залог определенной части земельной собственности (1319 а, 12 слл.); реформа фил и фратрий в Афинах при Клисфене и в Кирене (1319 б, 19 слл.); меры, принимаемые в Карфагене и Таренте для удовлетворения некоторых нужд народа (1320 б, 4 слл.); ограничение доступа в состав полноправного гражданства людям из народа в Фивах и Массалии (1321 а, 28 слл.); афинская коллегия одиннадцати (1322 а, 20). Правда, отсутствие примеров в большей части VI книги само по себе вовсе не доказывает, что рекомендуемые Аристотелем меры не берутся им из политической практики настоящего или прошлого. В значительной части они действительно взяты из реальной жизни и не представляют собой продукта чисто теоретической мысли. Например в разделе, касающемся должностных лиц, Аристотель прямо указывает, что нужная, по его мнению, должность, ведающая благораспорядком в городе, называется обычно астиномией; аналогичные астиномам, но действующие вне города магистраты носят названия агрономов и гилоров; дальше речь об аподектах, казначеях, гиеромнемонах, эпистатах, мнемонах и т. д. (1321 б, 23 слл.). Перечисляются магистраты, действительно существовавшие во многих греческих полисах, так что подобрать соответствующий иллюстрирующий материал не представляло никакого труда. Этого, однако, автор Политики здесь не сделал. Сравнение с V книгой, насыщенной примерами, показывает, что Аристотель желал писать по-разному и не стремился к единообразию.

Одно место из VI книги заставляет нас отказаться от мысли, будто

Аристотель, давая свои советы, опирался исключительно на политическую действительность. При олигархиях, по мнению Аристотеля, следовало бы установить порядок, по которому лица, занимающие главные должности, усердно несли бы литургии, чтобы народ, отстраненный от должностей, без неудовольствия переносил свое положение, видя, какой ценой достаются должности. Кроме того, магистраты, вступая в должность, должны устраивать пышные жертвоприношения и делать при этом кое-что на общую пользу; получая угощение и видя, как город украшается посвященными дарами и зданиями, народ был бы доволен существующим строем, а знатные люди оставляли бы памятники произведенных ими расходов. Однако, по замечанию Аристотеля, олигархи поступают не так, а наоборот, — они ищут выгоды не меньше, чем почета (1321 а, 40 слл.; ср. разобранное выше место из V книги о клятве олигархов — 1310 а, 7 слл.).

Завершающие весь труд в его настоящем виде книги VII и VIII содержат проект идеального строя. Согласно общераспространенному мнению, этот проект Аристотеля не имеет прямого отношения к действительности и не рассчитан на реализацию. Иегер и его сторонники противопоставляют книги VII—VIII «фактическим», «эмпирическим» книгам IV—VI. Книги VII—VIII, думают они, составляют единый комплекс с книгами II—III (впрочем, без некоторых глав той и другой) и написаны молодым Аристотелем, бывшим тогда в плену спекулятивной мысли Платона.

Нельзя не согласиться с тем, что в двух последних книгах Политики автор дает советы, норму для создания абсолютно безукоризненного полиса. Нормативный тон изложения не нарушают вкрапленные в некоторых местах исторические примеры (VII, 1324 b, 7 сл.; 1327 b, 14 сл.; 1329 b, 2 слл.; 1332 b, 23 слл.; 1333 b, 18 слл.; 34; 1334 a, 40 слл.; 1335 a, 18 слл.; 1336 a, 17 сл.; VIII, 1337 a, 31 слл.; 1338 b, 21 слл., 24 сл.; 1339 a, 34 слл.; 1341 a, 33 сл.). Но все же вывод Иегера и его последователей о каком-то большом разрыве между книгами VII—VIII и предшествующими им книгами IV—VI лишен достаточного основания. Программа, помещенная в начале IV книги, предусматривает построение наилучшего в разных смыслах строя — относительно наилучшего, т. е. подходящего для любого государства; наилучшей формы, какую могут принять существующие государственные устройства; абсолютно идеального строя (IV, 1288 b, 21 слл.). Весь трактат от начала до конца пронизан нормативной идеей — как придать образцовый вид государственному строю. Самые выражения *ἀριστὴν πολιτείαν*, *ἀριστὴν τάξιν* и аналогичные им не раз встречаются на протяжении Политики.

В целом композиция Политики в том виде, в каком это произведение до нас дошло, показывает, что построение идеального строя, если даже признать это построение продуктом чисто теоретической мысли, было конечной целью автора. Тезис о разочаровании Аристотеля в спекулятивной политической философии никак не объясняет нам, почему несмотря ни на что книги VII—VIII оставлены в Политике и притом в качестве ее завершения. С другой стороны, не следует упускать из виду того важного обстоятельства, что нормативная точка зрения Аристотеля отнюдь не совпадает с точкой зрения Платона. Проект идеального строя Аристотеля не только не совпадает с построением Платона, но и прямо противопоставляется ему.

Чтение Политики под определенным углом зрения показывает, таким образом, что оценка явлений политической жизни с какой-то высшей (или общей) точки зрения присутствует в самых «фактических» частях Политики, как она присутствует в Афинской Политии и, вероятно, не отсутствовала в других Политиях.

Имеется кроме того основание считать проект, изложенный в книгах VII—VIII Политики, не продуктом отвлеченной мысли, а синтезом мыс-

лей Аристотеля об идеальном строе и эмпирических данных о деятельности Александра Македонского на Востоке, где возникали новые полисы греческого типа, но в обстановке, не похожей на греческую действительность⁷. При такой точке зрения окажется, что книги VII—VIII, в которых констатация того, что происходит на Востоке, сочетается с политическими рекомендациями, представляют собой естественное продолжение предыдущих книг, где, как мы убедились, результаты наблюдений тесно связываются с советами; разница будет только в соотношении того и другого элемента.

Структура Политики Аристотеля такова, что провести грань между нормативными и эмпирическими ее частями, отражающими будто бы эволюцию аристотелевой мысли, нет никакой возможности. Схема Иегера не подходит для объяснения творческой истории создания того текста Политики, который мы знаем. Излюбленный прием сторонников генетической теории состоит в том, что все многочисленные места в произведениях Аристотеля (в том числе и в Политике), мешающие априорному построению творческой истории этих произведений, объявляются позднейшими вставками самого Аристотеля. Совершенно справедливо автор одного новейшего обзора работ по Аристотелю назвал это «решением *deus ex machina*»⁸.

Не подлежит никакому сомнению, что Политика Аристотеля создавалась в течение долгого времени, но не менее бесспорно и то, что она в своем нынешнем виде имеет единый, продуманный план. Написанные в разное время отдельные части трактата затем приводились в согласие, дополнялись, исправлялись⁹. Местами в Политике сохранились несогласованность, непоследовательность, разного рода изъяны, но мы нигде не можем обнаружить следы резкого изменения общих взглядов Аристотеля¹⁰.

⁷ Об этом см. Д о в а т у р, ук. соч., стр. 59 слл.

⁸ А. Н. Chroust, *The First Years of Modern Aristotelian Scholarship* (1912—1942), «*Classica et Mediaevalia*», 24 (1963), стр. 49 сл.

⁹ Aubonne, ук. соч., стр. CII слл., CXVI слл.

¹⁰ В сущности, некоторые из последователей Иегера, говоря о повторных дополнениях и переделках книг Политики самим автором, в значительной мере приближаются к высказанным в этой статье (и в работах, отмеченных выше) взглядах. Яркий пример тому см. W. Theiler, *Bau und Zeit der aristotelischen Politik*, Mus. Helv., 9 (1952), стр. 5 слл.